

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ГАМИД АХМЕДОВ

Гамид Ахмедов, по его собственным словам, увлекается поэзией с раннего детства (в свое время даже вышла в свет книжка стихов двенадцатилетнего на тот момент поэта). За пару минувших с тех пор десятилетий наш автор получил профессию инженера-буровика, по которой и работает сегодня в одной из ведущих иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность в Азербайджане. Однако занятия поэзией не оставил до сих пор, так как, опять же по его собственному признанию, убежден, что «поэзия – лучший инструмент для самопознания...» Знакомство с поэзией начиналось традиционно: «школьные» Есенин, Маяковский... Из отечественных авторов – Мирза Шафи Вазех, Микаил Мушвиг, Бахтияр Вагабзаде... Позже пришли Бродский, Мандельштам, шестидесятники, Леонид Филатов... Каждый из этих, таких разных, поэтов оставил заметный след в душе и поэтических интонациях молодого автора.

Что хочется отметить при первом знакомстве с текстами Гамида Ахмедова?

В первую очередь, своеобразность авторской интонации, раскованность мыслей и чувств и культуру их изложения, умение заметить нюансы быстролетящего бытия и воплотить их в цепляющие читательское внимание образы... Гамид Ахмедов современен в самом позитивном смысле этого слова, органично и естественно являясь полномочным представителем своего века и поколения и в то же время духовным звеном в неразрывной цепи художников всех времен и народов. В заключение хотелось бы напомнить Гамиду и его поэтическим ровесникам – этим Икарам нового века, мечтающим о новых дерзких воспарениях – что творчество – это всегда полет без страховки, соответственно, чем лучше «оснащены» художники в своем ремесле, тем крепче их крылья и ярче прорывы. Тексты Гамида пока еще не свободны от некоторых стилистических и лексических «заноз», но все это преходяще, если есть желание по-настоящему работать над собой и словом, чтобы расслышать извечный «ветер времен» и воплотить его в новых ярких стихах.

Поздравляем автора с первой публикацией на страницах нашего журнала, надеемся на новые интересные встречи с его поэзией в будущем.

ВЕТЕР ВРЕМЕН или НОВЫЕ ИКАРЫ

Вдохновение

Я недавно узнал у лечащего врача,
что не гаснет оставленная мною свеча.
Но порой вдохновение, будто бы саранча,
поедает меня изнутри...
– Мне так больно, слышишь?..

По утрам манит джезва,
ночами – амфетамин,
а душа запечатана (надпись: «на карантин»)
Я смотался бы в Питер,
исчез бы в толпе картин,
наблюдал за закатами цвета мерло¹ на крыше.

¹ Известная марка красного французского вина; особый оттенок красного цвета.

На заре одевайся тепло, выходя во двор.
Мы порой волшебство не замечаем в упор:
гирлянды-созвездия, кардиограмма гор...
Приложи свои руки
к глазам моим на мгновенье.

Нарисуй мне рассветы,
подсолнухи, запах волос.
Мы в пути за собой оставляли следы колес.
Я прочувствовал горький привкус улыбок ее и слёз,
и тогда только понял,
что это и есть вдохновенье.

Исповедь иммигранта

Вокзалы остывали после жаркого,
прощаньями измученного дня,
и вечер наполнял пространство парка
прохожими и криками менял,
художниками, продавцами ваты,
танцорами и лепетом детей...
И бликами дразнил замысловатый,
кувшинками украшенный бассейн.
Пространство оживляли музыканты,
и в воздух проникал вечерний зной,
дрожавший, будто души иммигрантов,
тоскующих по родине весной.
Мой дом ветшал, его пустели арки,
своих соседей новых невзлюбя...
А вечер наполнял пространство парка
пронзительным отсутствием тебя.

Прощание

Поведай мне тайны –
слышишь, поведай мне тайны,
о которых не знает
никто из «нормальных»;
никто из обычных
встречных, прохожих, ненужных,
тех, кто трогает тело твое,
но не душу.
Поведай мне тайны –
а хочешь, просто отдай мне
сокровенные мысли,
мечты и страданья.
Там, где ты босиком
по песку и асфальту,
святая,
не успев понаделать ошибок
фатальных,
летаешь.

Расскажи о мирах мне,
что в памяти свято хранила,
о забытых местах,
где ласкает приливы светило.
О мирах, утонувших в бокалах
и смешанных с колой и Джеком...
Ты ведь знала сначала:
я не буду твоим человеком.
Поведай мне тайны.
Сегодня. Сейчас. У порога.
Оказалась летальной
та, что мы отшагали, дорога.
Оказалась ненужной
история в высохших красках.
Под глазами окружности,
словно узоры на масках.
Разбежались в пути
железнодорожные линии.
Мне тебя не найти
и не вспомнить забытого имени.

Сон

Во сне я часто вижу паука,
ползущего по матовой стене.
И тень моя, и бледная рука
его предупреждают обо мне.

Но он ползет –
упорно, как герой...
А я жестоко, будто напоказ,
его своей безжалостной рукой
сметаю вниз уже в который раз.

...Я просыпаюсь.
В окна бьет рассвет,
где буду я, как тот паук во сне,
уже примерно три десятка лет
ползти вперед по матовой стене.

Икар

Тебе прочили звезды счастливую участь побед,
Ты хотел быть обласканным путником этого мира.
Тебя звали подножия Фудзи, Родос и Пальмира,
И ты дал себе слово исполнить этот обет.

Рассекать океаны под вальсы штурвалов и волн,
С молодым капитаном на пару раскуривать трубку
Где, сражаясь с марлином¹,
корнями вцепившийся в шлюпку,

Не сдавался старик, и бессмертие этим обрел.

¹ хищная рыба, обитающая в тропических водах Атлантики, достигает в длину 5 метров, развивает скорость более 100 километров в час, на носу имеет мощное природное «копье».

Уехать зализывать старые раны в Тибет,
Чтоб со склона горы
 быть свидетелем гибели солнца,
А не просто глядеть из заляпанного оконца
На потоки машин, в темноте прорубающих свет.

Различать полуночные песни шаманов и змей,
В парагвайских степях наблюдать за погоней мустангов.
Прикоснуться руками сухими к Майянским останкам –
И почувствовать слезы и память планеты своей.

Ты ушел, окрыленный идеями, в ветер времен,
Несомненно, считая, что все это было не даром.
Ты взлетел к горизонту событий влюбленным Икаром,
Понимая,
 что после полета сгореть обречен.

Два дождя

1

Танцующая под дождем

Мир охватила паника, льют дожди,
а на бульваре танцует цыганка Шанти.
В глазах ее голубых отражаются блики небес –
они будто не замечают, что вмиг исчез
народ с опустевших улиц. Грядет война.
Диагноз поставлен –

 отныне земля больна.
Шанти босиком отбивает волшебный ритм,
и, не издавая ни звука, она кричит –
о жизни и смерти, о воздухе и огне,
о том, что болит внутри, но пришло извне.
О том, как горят мосты, освещающая путь,
о том, как мы помним эту боль наизусть...

...Но город был пуст,
 все попрятались на карантин.
Исчезло все,
 и остались только бульвар и Шанти.
И только танец спасал ее (и нас) от заката дней,
а бульвар засыпал под шум проливных дождей.

2

Тбилисский блюз

В Тбилиси сегодня играет дождь:
вниз по проспектам потоки, как ртуть.
Все то, что случилось там – не трожь,
все то, что закончилось здесь –
 позабудь.

Пусть эпилогом минорных нот
прольется на улицы светлый ноктюрн.
Все то, что случилось с нами – пройдет,
утонет в толпе незнакомых фигур.
Сегодня в Тбилиси ночной музыкант
со скрипки роняет мечты, миражи...
Я бережно их соберу в фолиант
моей постаревшей от боли души.
Мы прбжили август, упали в сентябрь.
Погода ни к черту, трамваи, мосты.
...Оставь на прощанье свой голос хотя б,
как память о лете,
пустой монастырь.

Любить

Быть из вселенных вовсе разных,
читать стихи после оргазмов
с тобой. И вместе петь баллады
о возрождениях Эллады,
о тени на холмах от вишен,
об очагах, что светом дышат
в домах старинных в лихолесье...
И навсегда с тобой быть вместе,
и рисовать пески, причалы,
места, где молодость встречал и
был беспечен и бесстрашен –
блестели золотом из пашен
глаза, горящие игриво.
Давай отправимся к заливам,
тебе там тихо прошепчу я,
что счастлив мимолетно чуют
в прибое терпкий запах моря,
и Боуи¹ слушать на повторе –
о снах космических скитаний...
Подключены порты питания,
и двигателей слышен стон:
«Ground control to Major Tom...»²

Киото при полной луне

Вечереет, луна побеждает в войне за Киото.
Горизонты рисуют пейзажи –

в них свищет охота.

А в Пуэбла³ шаман допивает настойку пейота⁴,
И поет о началах, и видит прозренья в огне.

¹ Британский рок-певец (1947-2016), автор песен, продюсер, художник и актер.

² Строка из известной песни Дэвида Боуи «Странный случай в космосе».

³ Город в Мексике.

⁴ пейот (пейотль) – растение из разряда кактусов, его настойка, издавна употребляемая индейцами в магических культах, обладает галлюциногенным эффектом.

Ни алкоголь, ни затуманенные мысли
Не помогают, не спасают от идей...
Там, в середине нулевых летали листья,
Клянясь друг другу быть подальше от людей.
Немые ливни бьют по крышам и асфальту,
Озона запахи (как следствие дождя).
Кривыми рифмами скребущий по базальту,
Ты был похож на иноземного вождя.
Поэты осенью, как правило, трусливы,
Поэты, в принципе, не любят перемен...
Ты помнишь ярко обозначенный вкус сливы
И то, как ты подняться пробовал с колен.
Но ты остался тем, кем был когда-то...
Грустно...

Мелькая слайдами, просрочена судьба...
И столько женщин примеряют на себя
Твои стихи, написанные Музе.

Акварель

И вот я опять исписался,
и больше себя не спасу –
я в тысячный раз оказался
в том сумеречном лесу.
И если великий Данте
геенну прошел «на ура»,
то я со своим «талантом»
исчезну в дыму костра.
И если пуста Гиппокрена¹,
и муза ушла в бордель –
скажите, какого хрена
мне тут разводить акварель?..
Мне жидкости этой не надо,
по горло я сыт водой...
Ты хочешь услышать правду?
По правде, я сыт тобой.
Весна ко мне подберется,
но вновь будет в черном, тварь,
и бабочки из колодцев
взлетят в ледяную хмарь.
И я не смогу, наверно,
оставить тебе даже роз –
пропивши жизнь по тавернам,
огрѐб я душевный цирроз.
Но счастлив, что есть Буковски
и книжки, что глушат хандру...
И что пишут стихи подростки
так, как я никогда не смогу.

¹ Священный источник на вершине горы Геликон в древней Греции, по преданию, забивший от удара копыта крылатого коня Пегаса; также источник вдохновения для муз.